

за, изобразив крайнюю степень изумления. — Но почему такое решение привело к успеху? Ведь делил он не наследство, а *больше*, чем наследство, и все равно оказалось, что...

— Сейчас поймешь! — перебил его Гуссейн Гуслия, все больше надуваясь от важности. — Причина в том, что само завещание содержало ошибку. Ведь если братья должны были получить, соответственно, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{6}$ части наследства, то всего это составляет $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{6} = \frac{11}{12}$ наследства, и непонятно, кому должна достаться оставшаяся $\frac{1}{12}$ часть. Именно она и явилась тем самым ишаком, который был сперва добавлен, а потом изъят обратно. Ну что, готов ли ты оценить по достоинству остроту и гибкость моего ума?

— Готов, но только твою память, почтенный! — улыбнулся Насреддин. — Ибо история эта стара, как мир, и я сам слышал о ней еще в глубоком детстве, когда жил в доме моего приемного отца гончара Шир-Мамеда, мир его праху. Нет сомнения, что и ты узнал о ней из многочисленных бесед с разными людьми, коих ты за свой долгий век повидал немало. Но одно дело знать, и совсем иное — уметь применить свои знания в будущем. Поэтому позволь теперь действительно проверить и остроту, и гибкость, и все прочие достоинства твоего ума на примере случая, произошедшего со мной самим в Коканде, куда я забрел в поисках некоего Агабека, хозяина горного озера...

— Если ты его нашел, я ему не завидую, — ехидно вставил Гуссейн Гуслия.

— И опять ты прав, но речь не о том. Итак, однажды я забрел во двор, привлеченный громкими воплями, и увидел четырех человек, сцепившихся в большой клубок, катавшийся туда-сюда по земле, усыпанной вырванными из бород ключьями волос. Кое-как успокоив их, я выяснил, что эти четверо — тоже

братья, которые таким образом пытаются поделить наследство, состоящее из 25 ишаков. Одному из братьев должна была достаться половина наследства, второму — четвертая часть, третьему — шестая и четвертому — восьмая часть. Я задумался, как быть, и, поскольку день уже клонился к закату, пообещал прийти завтра, чтобы попробовать разделить наследство в соответствии с завещанием. И как ты думаешь, удалось мне это сделать?

— Нет! — злорадно воскликнул Гуссейн Гуслия. — И никакие попытки приехать, как в предыдущем случае, на своем ишаке, тебе не помогут. Ведь здесь сумма долей, причитающихся братьям, равна $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{6} + \frac{1}{8} = \frac{25}{24}$, а это больше, чем целое. Приедь ты к ним хоть на дюжине ишаков — все равно при дележе их не хватит! Так что здесь тебе уж точно пришлось признать поражение, клянусь своей бородой!

— Не клянись, уважаемый, — борода может еще пригодиться. Когда я приехал к ним утром, и притом все-таки на ишаке, со двора опять был слышен шум. Оказалось, ночью неизвестный злоумышленник взломал дверь сарая и украл одного ишака! Наследство, таким образом, сократилось до 24 ишаков. Погорев ради приличия некоторое время вместе с братьями, я обратился к ним: «Что поделаешь! Придется делить тех животных, которые остались. Тебе, первый брат, причитается половина, то есть 12 ишаков. Забирай их и отходи подальше, чтобы не мешать. Тебе, второй, полагается четверть, или 6 ишаков. Тоже забирай и отходи. А тебе, третий, досталась шестая часть — 4 ишака (тоже бери и отходи). Остался последний брат, который должен забрать восьмую часть — 3 ишака. Бери!» «Как же я возьму? — удивился последний брат. — Ведь ишаков-то осталось только два!» «Что, правда два? — поразился я. — Не может быть, пересчитай еще раз! Пересчитал? Все-таки два? О горе мне! Обсчитался! Ладно, забирай моего ишака — пусть это будет мне наказанием за глупую промашку!». Вот как закончилась эта история.

— Значит, ты ошибся! И заплатил за это! — радостно завопил Гуссейн Гуслия. — Ты был вынужден отдать им своего ишака!

— Почему же своего? — спокойно спросил Насреддин. — Я ведь сказал тебе, что ночью братьев обокрали — и я им просто вернул пропажу. Эта кража оказалась очень кстати — как будто сам Аллах помог мне!

— Аллах ли? — Гуссейн Гуслия с подозрением взгляделся в лицо собеседника.

— Ну, пусть не Аллах... Я забыл упомянуть, что еще до Коканда познакомился и сдружился с багдадским вором. Ему ничего не стоило украсть даже пару арабских скакунов из конюшни менялы Рахимбая, а увести ишака из обычного сарая — вообще пустяк. Вот так-то, мудрейший из мудрых: знание ценно своим применением, иначе оно не стоит и четверти таньга!

